

Леонид Добычин

Дикие

Леонид Добычин

Дикие

«Public Domain»

Добычин Л. И.

Дикие / Л. И. Добычин — «Public Domain»,

Леонид Иванович Добычин – талантливый и необычный прозаик начала XX века, в буквальном смысле «затравленный» партийной критикой, – он слишком отличался от писателей, воспевавших коммунизм. Добычин писал о самых обычных людях, озабоченных не мировой революцией, а собственной жизнью, которые плакали и смеялись, радовались маленьким радостям жизни и огорчались мелким житейским неурядицам, жили и умирали.

© Добычин Л. И.

© Public Domain

Леонид Иванович Добычин

Дикие

Еще недавно люди были очень дикие. Я расскажу немного про своих родных. Когда эта история, которую я здесь описываю, началась, мне было лет четырнадцать. Всё это было уже после революции, но тогда, когда идиотизм деревенской жизни еще не был уничтожен коллективизацией, которая тогда еще имела малое распространение.

Отец мой служил сторожем на станции. Он подметал ее и выполнял другие подобные работы. Кроме того, он пахал – у нас в поселке все тогда пахали, чем бы кто ни занимался кроме этого.

Он был мужчина дюжий, с черной бородой, пузатый – вроде кулаков, которые бывают на картинках. Лоб у него был морщинистый, взгляд грозный, голос рявкающий.

Мать была, наоборот, коротенькая, кругленькая, с тонким голосом. Лицо у нее было налитое, желтоватое, точно моченая антоновка. Недавно мне показывали одну бывшую монахиню – мамаша на нее была похожа.

Нас при отце с матерью тогда было пятеро. Шестая наша сестра, Фроська, была замужем за Трошкой. Он был середняк, лет сорока, силач, ходил всегда нечесанный. Его изба была от нас через дорогу.

Сама Фроська была толстая, разиня. Юбка у нее всегда была подоткнута, а рукава засучены. Она любила песни. Когда ей рассказывали что-нибудь смешное, она долго молча слушала и вдруг валилась со скамьи и захохатывала басом.

С ними жила Сашка, Фроськина девчонка, девка лет под двадцать. Родилась она до Трошки, неизвестно от кого, и Трошка получил ее в приданое. Он с нею обращался хорошо и часто покупал ей пряники.

Она была не в нашу масть. Все наши были черные, а Сашка была белая. Она училась в сельской школе и окончила ее. Ей дали там в награду книгу про купца Калашникова, и она давала мне читать ее.

Мы жили на углу. Через одну дорогу против нас был Трошкин двор, через другую – Ваньки Чернякова, ламповщика.

С Ванькой жила мать, старушка из раскольников. У нее были бородка и усы. Ходила она горбясь. Родом она была нездешняя, казачка из станицы Ольгинской, и называла всех наших людей иногородними.

Бок о бок с Ванькиным двором стоял двор Лизунихи, Марьи Дмитриевны.

Марья была баба лет под пятьдесят, вдова, широкоплечая. Она чуть-чуть прихрамывала на ходу. Когда она беседовала с кем-нибудь, она смотрела в глаза прямо и при этом улыбалась и облизывала губы языком. Она была шинкарка.

Раз, когда папаша мой пришел со станции и сел пить чай, является мать Ваньки Чернякова, Разумеевна, и с нею – Лизуниха. Закрывают за собой двери, крестятся на образа и кланяются.

Разумеевна выкрикивает по-казачьему:

– Здоровы ночевали?

Поправляет, чтобы закрыть бороду, концы платка, оглядывается, чтобы увидеть табуретку, и садится при дверях.

А Лизуниха улыбается, облиζεται, прихрамывая, направляется к столу и там усаживается под средней балкой потолка и говорит отцу:

– Никит Андреич, здравствуй. Чай да сахар. А мы к вам.

Это они явились нашу Варьку сватать.

Варька была дылда, губы поджимала, глаза щурила, подкрашивала щеки красными бумажками и за столом хулила пищу.

Ей не очень-то хотелось выходить за Ваньку, потому что он был низок ростом и черно-волос, а ей по вкусу были люди рослые и посветлей. Но раз подвертывался случай, не хотелось упускать его. Поэтому она сказала:

– Можно будет.

Дали мы за ней корову, валенки и обещали справить кое-что из мелочей, а Ванька должен был соорудить ей шубу.

Вскоре отец с матерью принарядились и отправились за мелочами в город. Наш Андрюшка ехал в этом поезде проводником и до Самары довез их бесплатно.

Всю дорогу они пили чай в служебном отделении и разговаривали с железнодорожниками. Время провели очень приятно и в Самаре вылезли из поезда очень довольные.

Мамаша в городе бывала редко, и ей было всё в диковинку. Она зазёвывалась на гробы, которые стояли в окнах некоторых лавок. Здоровенные карманные часы, которые висели кое-где над тротуаром, ее тоже очень интересовали, и она всё время останавливалась, а отец всё шел вперед, вдруг замечал, что ее нет с ним, возвращался и ругал ее. Она оправдывалась, и они стояли, перебранивались и мешали людям проходить.

В обратном поезде Андрюшки уже не было, и нужно было брать билеты. Отец взял один билетик, посадил мамашу у окошечка, а сам ушел с покупками в другой вагон.

Отъехали немного. Двери открываются, и появляется контроль. Рассматривает номера билетов, пробивает шипчиками. Добирается до той скамейки, где сидит мамаша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.